

КОНВЕНЦИЯ УЧЕНЫХ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ?

Е.М. Михина

У многих из нас еще свежо в памяти то время, когда сурово каралось малейшее сомнение в непреложности знаменитой "пятичленки". Онто-логизация первобытности, рабовладельческого строя, феодализма, капитализма и социализма поддерживалась не только состоянием сознания, но, можно сказать, уголовным кодексом. На фоне этих воспоминаний вполне понятно желание провозгласить условность не только пятичленки, но и почтенной академической триады "Древний мир - средневековье - новое время" и даже принятого расчленения исторического времени на столетия.

Это ниспровержение идиологов нашего сознания как-то раскрепощает, создает атмосферу карнавальности или, по крайней мере, "фельетонности". Весело обнаруживать рукотворность, даже доморощенность различных периодизаций, их идеологическое или религиозное происхождение, окрашенность убеждениями, пристрастиями, личными обстоятельствами, что видно на примере не только полузабытых авторов гимназических курсов, но и такого патриарха, как Гесиод.

Но вот мы повеселились, "открепили" периодизации от исторического процесса, вспомнили, что это всего лишь координатные сетки, которые, в меру своего понимания, налагали на него наши предшественники. И что же дальше?

Нам предлагается принять мысль об условности любой периодизации, отказавшись от попыток найти для нее основания в самой исторической реальности, поскольку вера в реальность периодов есть реликт мифологического сознания или, еще того хуже, проявление идеологических пристрастий. Периодизация - всего лишь *конвенция*, принимаемая историками для удобства обозрения материала. Это строительные леса историка, которые по окончании стройки должны быть сняты. Если же их вовремя не убрать - они превращаются в фантомы, гипнотизирующие следующие поколения ученых. Такая точка зрения прозвучала наиболее внятно.

Я с этим согласна только наполовину. Начну с возражений. Хочу заметить, во-первых, что, периодизируя, мы вряд ли можем отказаться от мысли, что историческое время *действительно* способно менять свой цвет и запах, свой дух, что все это бывает *на самом деле*. Без такой веры не будет науки, а будет что-то другое. Запретить себе надеяться, что можно нащупать реальные временные рубежи и сломы (разве войны и революции не ломают время реально?), историк, по-моему, не может. Да с этим, наверное, никто и не будет спорить.

Но, главным образом, я хочу поставить под сомнение образ *беспристрастного историка*, образ, который, хотя он и не был вполне обрисован, витает, как мне кажется, надо всем этим рассуждением. Этот идеальный историк, свободный от мифологических предрассудков и идеологических влияний, непредвзято подходит к историческому процессу и периодизирует его, сознавая всю условность своих периодизаций и заключая по этому поводу конвенции с такими же, как он, независимыми коллегами. Такой образ основывается, видимо, на представлении, что и историк, и объект его изучения являют собой вполне независимые друг от друга феномены. Однако историк ни в коей мере не является "независимым наблюдателем" объекта. Роль привносимого ученым в эксперимент "неявного знания" давно осознана даже в естествознании. В гуманитарной же науке - тем более. Историк не может относиться к своему предмету "объективно", он неизбежно пристрастен, он - *от мира сего*. Более того, именно внеисточниковое знание исследователя, свойства его личности, его пристрастия и убеждения организуют и фокусируют само его исследовательское "зрение". Именно пристрастность позволяет ему разглядеть в необъятной исторической стихии нечто, что кажется важным ему *лично*, и только благодаря этому оно становится видимым для других.

Историк и его объект находятся в одном ценностно заряженном поле - поле исторического сознания. Наверное, и наука является всего лишь одним из моментов воспроизведения и движения этого сознания. Кстати, другим, не менее важным его моментом является передача ис-

торических знаний следующим поколениям - историков и не историков. Поэтому тема преподавания, которая здесь возникла как бы незаконно, имеет непосредственное отношение к сути дела. Тем более, что и сам историк за пределами своей темы, в силу необъятности предмета, - в лучшем случае хороший ученик.

Все это в полной мере относится к периодизации, которая даже откровеннее, чем другие моменты работы историка, связана с его субъективным представлением об историческом целом. Мы всегда можем обнаружить личную позицию "периодизатора", его ценностные установки, обусловленность хода его мысли его собственным временем. Любая, самая "условная" периодизация, если ее поскрести, обязательно окажется мифологически, идеологически, ценностно окрашенной. И тем не менее, с помощью такого несовершенного орудия (а других у нас нет и быть не может) возможно открыть нечто в самой исторической онтологии. Разумеется, подобных членений может быть множество, так как в истории множество измерений, пластов, реализовавшихся и сошедших на нет тенденций, которые могут, под заинтересованным взглядом историка, проступить в виде периодизации.

Здесь все ограничивались критикой существующих периодизаций. Предложить новую отважился только И.Н. Данилевский, на него и сошлюсь. Он предлагает положить в основу периодизации переживаемые обществом ценностные кризисы. Думаю, очевидно, что источником такого подхода послужили сегодняшние впечатления и раздумья; однако и возможность таким образом открыть нечто новое в прошлом тоже не подлежит сомнению.

Провести четкую границу между сознанием исследователя и его предметом нельзя, как кажется, еще и потому, что плоды ученой культуры - календарные, летосчислительные, периодизаторские, вообще ученые штудии - чем ближе к нашему времени, тем сильнее проникают в плоть исторической жизни. Уже средневековые эсхатологические ожидания были непосредственным результатом такого проникновения. И если средневековые люди еще не подозревали, что они - средневековые, то людям нового времени, по крайней мере многим из них, это название было уже знакомо, и мы вряд ли можем задним числом такое их знание отменить. А можно ли отрицать, что в наши дни счет на столетия стал уже фактом общественной жизни? Историческая ткань "пропиталась" этим счетом, организуется им изнутри. И вряд ли историк волен снять эти "леса".

Точно так же изобретенные историками, эрудитами понятия преобразуются в массовые представления, усваиваются, "перевариваются" обществом и тем самым в определенной мере онтологизируются и мифологизируются. Больше того, наверное только те понятия, которые оказываются способными ценностно насыщаться, усваиваются по-настоящему, "кровно", полностью осуществляя заложенный в них потенциал. То, что века из абстрактной астрономической меры превращаются постепенно в содержательные категории и есть момент неизбеж-

ной мифологизации, "обживания" истории - сначала историками, а потом и обществом.

И все же идея условности периодизаций чем-то очень привлекательна. Как выразился А.Я. Гуревич, мы не должны забывать, что находимся на почве истории понятий. Так почему на этой почве, в общем-то зыбкой, начинаешь чувствовать себя увереннее? В чем притягательность истории понятий? Какую потребность, кроме антикварного интереса, удовлетворяет изучение "исторического хлама" устаревших, архаических понятий? Я думаю, что, демонстрируя ограниченность, несовершенство, идеологичность, мифологичность научных понятий, оно избавляет нас от груза их абсолютности - в том числе и наших собственных. Может быть, и пятичленка, поставленная в ряд других возможных периодизаций, будет восприниматься совершенно иначе? Мне кажется, что история понятий постепенно становится на место нашей прежней методологии. В целом, мою позицию можно, пожалуй, подытожить так: историк, он такой же, как все, его представления о прошлом заключены в те же пределы исторического сознания, но только он обязан эту свою зависимость острее других осознавать.

Впрочем, такое остранение, проблематизация знаний со временем проникнет, возможно, не только в науку, но и в общество. Я думаю, они показаны и в преподавании. История у нас преподается как-то слишком онтологически. Почему бы не рассказать детям, что никаких веков на самом деле не было; что "номера" за годами закреплены, в общем недавно - в XVII-XVIII вв.; что нынешнее счисление лет, по сути, навязывает христианские представления всему остальному миру и что самая точка отсчета условна, поскольку не была никем зафиксирована, а была вычислена спустя полтысячелетия одним итальянским монахом? И что, тем не менее, в нашем распоряжении есть только такие несовершенные средства, чтобы ориентироваться в исторической стихии. Это помогло бы детям почувствовать особую природу этого предмета - его многозначность, переменчивость, свою включенность в него.